

КТО СЫГРАЕТ ГЕРОЯ?

Сейчас, когда уже позади долгие и мучительные месяцы работы над фильмом «Самый жаркий месяц», я снова и снова перебираю свои впечатления, вспоминаю, что же было самым трудным в процессе создания этой картины.

Да, конечно, трудно вообще все, связанное с так называемой современной темой. Трудно создать сценарий, трудно выбрать натуру, трудно увлечь зрителя тем, что именуются «производственным конфликтом», где нет или почти нет так называемой личной линии. Впрочем, здесь я не со всем согласен, потому что считаю — если чем и можно по-настоящему увлечь зрителя, то это как раз серьезным разговором о сути его жизни, то есть о труде. Другое дело, что мы разучились показывать труд человека во всей его неприкрашенной правде, со всеми перипетиями и сложностями, которые ему сопутствуют. Мы нередко делаем труд не сутью, а фоном для развертывания знакомых и привычных драматических коллизий. Тем сложнее возвращать человеческому труду всю его первозданную красоту и увлекательность. Это и было одной из главных наших задач.

И все-таки самым трудным и сложным вопросом для меня был выбор актеров на главные роли. Прежде всего я должен сказать с чувством глубокой благодарности к актерам, моим товарищам по этой нелегкой работе, что совершенно не мыслю какого-либо другого исполнителя любой из основных ролей фильма. Не мыслю никого, кроме Владимирова, Охлупина, Лапикова, Волкова, Букова, Кулагина, Юрченко, Бутенко, Одинокоева и всех других актеров, занятых в фильме. Но если в отношении всех этих актеров могу сказать, что считаю их лучшими из возможных исполнителей соответствующих ролей, то по поводу Леонида Дьякова я должен высказаться еще более категорично. Я просто не знаю в нашем кино другого актера, который мог бы исполнить роль Виктора Лагутина.

Это не значит, что исполнение им роли стопроцентно удовлетворяет его и меня. И все-таки я остаюсь при своем мнении.

Почему я говорю о Леониде Дьякове? Да потому, что ощущаю в нем личность, судьбу личности. В Дьякове есть человеческая первооснова, которая близка нашему герою. Широта жизненных интересов, самоотверженная влюбленность в свой труд и в труд вообще, стремление к философскому постижению, осмыслению жизни, постоянное ощущение идеалов, которыми измеряется жизнь.

Я хочу здесь поговорить о том, что весьма волнует меня. Почему так случилось, что у нас катастрофически мало сейчас актеров, которые могли бы играть вот такого героя, как Виктор Лагутин? Почему когда-то у нас была возможность такого выбора? Если перебирать актеров моего поколения, то я мог бы выбрать на роль Лагутина и молодого Баталова, и молодого Рыбникова, и Юматова, и Стриженова, и, конечно, Урбанского. А сейчас нет. В чем же дело?

Я размышляю о профессии актера и думаю, что сегодня она претерпела серьезные изменения в самой своей сути. Зритель ныне настолько прозорлив, что, если с ним ведут разговор по самому серьезному счету, он

сразу же ощущает малейшую фальшь. Он сегодня уже не приемлет лицедейства, даже самого изощренного, не приемлет нарисованных гримом морщин. Он хочет видеть и угадывать подлинную судьбу, подлинную биографию создателей картины и прежде всего актера — я имею в виду, разумеется, не факты жизни, а факты размышлений, опыт наблюдений, переживаний. Зритель стремится угадать личность актера, и если она неинтересна, то и фильм ему неинтересен.

Следовательно, нужна личность. Я помню, что в мое время профессия актера кино была одной из самых почетных. Авторитет ей создавали имена корифеев Малого и МХАТа, Бабочкина, Крючкова, Андреева, Макаровой, Орловой, Алейникова. Профессия актера была престижной — есть такое понятие в социальной иерархии.

Ю. КАРАСИК, заслуженный деятель искусств РСФСР, кинорежиссер

Сейчас, мне кажется, положение изменилось. Актерская профессия не представляется уже такой заманчивой, как прежде. Я не знаю, может быть, произошел крен в сторону технических профессий, спорта, космоса. Одним словом, театральные вузы и ВГИК не дают сегодня такого притока личностей, которые хоть сколько-нибудь удовлетворяли возросшие количественно и качественно потребности современного киноискусства.

Я не знаю, почему так произошло с актерской профессией. Быть может, потому, что настал более реалистический век, стало труднее фантазировать и еще труднее верить в фантазию. Наверное, так бывает, что то или иное время отмечает своей печатью те или иные призвания, а другие отодвигает в сторону. Наверное, это закономерно. Впрочем, все это только мое субъективное ощущение. Просто я лично как режиссер ощущаю недостаток хороших актеров и прежде всего недостаток актеров на роли героев. Ведь характерный персонаж еще можно сыграть, здесь может быть лицедейство, можно взять его суммой приемов, с героем это труднее.

В чем тут дело? Было время — это пятидесятые годы, — когда у нас распространилась мода на Хемингуэя, на Ремарка. Затем появились произведения Володина, Розова, Зорина. Люди стали интересоваться даже не просто чувствами, а оттенками чувств. В актерском исполнении стала модной сдержанность, недоговоренность, скудость средств выражения. Художественные вкусы зрителя и актера совпали — все в подтексте.

Думается, сегодня у нас другое время. Когда мы разворачиваем газеты и на нас обрушивается то, что теперь именуются «потоком информации», поистине поражаешься кипению страстей в мире. Могут сказать: а разве это было не всегда? Нет, не всегда мир бурлил так, как сегодня, — поистине целые континенты, когда-то спящие или задавленные, пришли в движение.

Думается, и искусство сегодня не может оставаться таким, каким было вчера. Пришло время прямых и открытых страстей. Время открытого разговора, поступков определенных. Ис-

кусство может сегодня пробиться к зрителю только голосом страсти. Даже голос разума, лишенный эмоций, никого сегодня не убедит. И если личность создателя произведения искусства внушает вам доверие, то только тогда можно быть убежденным, что все, что ему причиняет боль, причинит боль и зрителю, все, что у него вызывает ненависть, возненавидит и зритель.

Правда, в современном искусстве наряду с подлинной болью от несовершенств мира возникает и спекуляция. Иной раз становится не так уж легко отличить, где подлинное, а где подделка. Долгое время, скажем, считалось настоящим искусством творчество французского режиссера Клода Лелуша. В свое время с успехом прошла средняя, на мой взгляд, картина «Мужчина и женщина». В его картине «Жить, чтобы жить» есть, казалось бы, все, что составляет суть жизни современного человека: и любовь, и политика, и война, и Вьетнам, и Конго. И не так уж легко неподготовленному человеку сразу разобраться, что за этим джентльменским набором приемов современного кино скрывается простая и лживая коммерция. Сумма приемов, самых изощренных, не может скрыть отсутствия содержания.

Мне кажется, сегодняшний актер должен быть таким же страстным, как Мартин Лютер Кинг, как Че Гевара, как Сальвадор Альенде. Нынешний зритель хочет знать, кто есть кто. И если у тебя за душой есть что сказать, скажи это громко и внятно, а не шелотом, не между прочим, не между чаепитием и чтением газет.

Вот здесь-то мы и подошли к тому, о чем я уже говорил выше, — что воспитание актера в чем-то отстает от запросов времени.

Надо сказать, что когда мы работали с Леонидом Дьяковым, то и в нем, в его манере игры ощущалась эта нынешняя «школа». Ему тоже все время хотелось играть вполголоса. Негромко, как бы про себя. И все время приходилось преодолевать это его стремление.

То же самое случилось у меня и на съемках «Шестого июля». В тех местах, где надо было играть открытую страсть, актеры явно пасовали, и приходилось с ними поистине бороться.

Такая манера игры «под сурдинку» распространяется и на классику. Как у нас, например, играют Шекспира? Его монологи — вершина его драматургии — проговариваются так, между прочим. Между тем для Шекспира не так важно то, что происходит, как то, что говорится по этому поводу, что думается. Как же можно эти монологи проговаривать «про себя» и Шекспира играть, как Чехова?

Я мечтаю поставить «На дне» Горького. Признаться, я не понимаю, как можно ставить «На дне» в бытовом плане, ведь у Горького речь идет не о ночлежке, для него ночлежка — это форум, это Вселенная. Сейчас актеры произносят «Человек — это звучит гордо», как говорят подвыпившие люди. А ведь это крик души, отчаянный и страстный, это призыв к людям быть гуманными!..

Я не хотел бы, чтобы эти мои заметки выглядели слишком категоричными. Но я не мог не сказать о том, что меня тревожит. Ведь если мы всерьез хотим говорить о современной теме в киноискусстве, то нам никуда не деться от проблемы актера. От вопроса вопросов — а кто же сыграет героя?